

Виктория Красных
МГУ им. М. В. Ломоносова
Россия, Москва, Воробьевы горы
1 гум. корпус, филологический факультет
тел./факс: +7 (095) 939.55.96
E-mail: victory@philol.msu.ru

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО: СИСТЕМА КООРДИНАТ (к вопросу о когнитивной науке)

В последнее время в российской науке наблюдается явный всплеск интереса к когнитивным исследованиям, что имеет, с одной стороны, свои объективные и субъективные причины, а с другой – очевидные последствия, важные для современной гуманитарной парадигмы. К числу объективных причин следует отнести в первую очередь общую «гуманизацию» научных знаний (впрочем, это утверждение уже давно стало трюизмом, так что приношу свои извинения читателю за определенную банальность, с которой приходится начинать данную статью). В связи с этим не могу не вспомнить одно приятно удивившее меня заявление, удивившее, поскольку прозвучало оно из уст представителя, как принято говорить, фундаментальных наук. Впрочем, насколько я поняла из всего хода дискуссии, состоявшейся в рамках ночной передачи А. Гордона, это удивление было вызвано лишь моей отсталостью в области точных наук, т. к. сама идея «физикам» оказалась столь же близка и понятна, как и «лирикам». Так вот, суть сказанного была в следующем: XX век был веком *high tech*, а век грядущий, XXI, призван стать веком *high homo*. К величайшему сожалению, я не запомнила имени автора высказывания, но двумя руками голосую за данное положение. Можно много рассуждать на благодатную тему антропоцентризма, восходящего еще к античным временам («человек есть мерило всего»), и антропостремительных тенденций, предполагающих изучение мира, в центре которого стоит человек. И если в первом случае окружающий мир изучается сквозь призму человека, то во втором – человек изучается сквозь призму того, что его окружает. Однако оставим эти вопросы для другого случая, поскольку они, действительно, заслуживают отдельного и весьма серьезного разговора. О субъективных причинах, напротив, говорить не слишком хочется, особенно в статье, изначально направленной «на позитив». Но, как говорится, из песни слов не выкинешь. Приходится с сожалением констатировать тот грустный факт, что сегодня некоторые исследователи, оказавшиеся несостоятельными и неспособными сказать веское слово в рамках своей науки (филологии, психологии, философии и др.), бросились в недостаточно еще освоенные воды когнитивистики, надеясь заявить себя там, ибо именно там сегодня любое слово может оказаться «новым». В результате мы получаем дискредитацию серьезнейшего научного направления, подобную тем, что мы наблюдали и наблюдаем в сфере культурологии и лингвокультурологии, дидактики и лингводидактики, психолингвистики и этнопсихолингвистики и т. д. И следовательно, сегодня перед когнитивистами стоит актуальнейшая задача двойной природы: не только утверждать свою науку, разрабатывать ее методологические основы, базовые постулаты и т. п., но и бороться с ее профанацией.

Что касается последствий становления когнитивной науки, то их значение трудно переоценить. Новая научная парадигма века *high homo* необходимо требует особого научного направления, которое в центр внимания прямо ставит сущность человека-личности, объявляя объектом исследования познавательные процес-

сы, «образные аспекты мышления как центральные для разума»¹, формы хранения знаний, способы оперирования последними и под. Новая наука интеграционна по своей природе. См.: «Когнитивная наука – это новая область исследований, которая объединяет то, что известно о разуме и мыслительных способностях человека из многих научных дисциплин: психологии, лингвистики, антропологии, философии и компьютерной науки»².

Именно поэтому, вероятно, так сложно бывает подчас определить в рамках «старой» парадигмы сферу научной деятельности признанных авторитетов в этой области. В самом деле, кто они: лингвисты, антропологи, психологи? Однако поскольку главный (хотя и не единственный) «вход» в этот мир сознания лежит через язык, то совершенно очевидно, что особую роль в становлении когнитивистики играет наука лингвистическая. Такой взгляд не является чем-то новым и оригинальным, поскольку еще Л. С. Выготский и, вслед за ним, А. Н. Леонтьев утверждали языковую природу сознания: «Иметь сознание – владеть языком. Владеть языком – владеть значениями. Значение есть единица сознания (имеется в виду языковое, вербальное значение). Сознание при этом понимании является знаковым»³. По мнению А. Вежбицкой, языковые данные играют решающую роль в выявлении фундаментальных моделей мышления у различных групп населения⁴. См. также: «Язык является одним из наиболее характерных проявлений человеческой когнитивной активности. Понять общие принципы человеческой категоризации невозможно без учета особенностей категоризации в специфической области естественного языка»⁵.

Кроме того, если придерживаться идей Гумбольдта о языке как выразителе народного духа, если согласиться с мыслью Н. А. Бердяева о том, что конкретный человек входит в человечество не как человек «вообще», но только как человек национальный, и при этом человек национальный «больше», чем просто человек, т. к. объединяет в себе и универсальные (как *homo sapiens*), и национальные черты, а также с одним из постулатов лингвокультурологии, сформулированных В. Н. Телия, гласящим, что субъект языка – это всегда и субъект культуры, то становится очевидно, что когнитивная наука не может не учитывать национально-культурную специфику сознания (языкового, лингво-культурного – как бы его ни определять).

Таким образом, современная когнитивная наука – это по сути сплав, новая субстанция, своего рода «амальгама» общей психологии, культурно-исторической («второй») психологии, когнитивной психологии, этнопсихологии, лингвистики, этнолингвистики, психолингвистики, этнопсихолингвистики, лингвокультурологии, фольклористики, антропологии, культурантропологии, философии, логики, компьютерной науки. Повторю еще раз: когнитивная наука – это не смесь, не бездумная эклектика безумного творца («в одну телегу впрячь не можно», как мы помним), но именно интеграция ряда наук, в результате которой рождается новая дисциплина со своими объектом, предметом, целями, методами исследований, со своей методологической базой, своими постулатами и под. И эта дисциплина в ряду других наук должна занять свое собственное место: не «между», не «на стыке», а положение «равной среди равных».

---

¹ ЛАКОФФ, Дж. *Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении*. Москва, 2004, с. 9.

² ЛАКОФФ, 1, с. 9.

³ ЛЕОНТЬЕВ, А. А. Языковое сознание и образ мира. In *Язык и сознание: парадоксальная рациональность*. Москва, 1993, с. 16-21, с. 16.

⁴ ВЕЖБИЦКАЯ, А. *Язык. Культура. Познание*. Москва, 1996, с. 291-292.

⁵ ЛАКОФФ, 1, с. 157.

Ну а теперь, после столь пространного вступления позволю себе перейти к некоторым идеям, которые представляются мне актуальными для современных гуманитарных исследований, которые можно было бы назвать когнитивными, но именно в том смысле, как это было представлено только что.

Собственно говоря, эта статья посвящена некоторым вопросам, которые не дают мне покоя в течение нескольких последних лет и которые могут быть сведены, пожалуй, к следующему: если можно говорить о некоем когнитивном базовом уровне и его категориях (см. работы Э. Рош⁶ и ее единомышленников), то не будет ли правомерным попытаться установить и некий «базовый уровень» культуры и его категории? Иначе говоря, попытаться выявить – по аналогии с базовым уровнем для *homo sapiens* – базовый уровень для *homo loquens et litteratus*⁷. С одной стороны, это продолжение и в чем-то новый поворот исследований Э. Рош, ее соавторов, единомышленников и последователей, поскольку фокус перемещается в большей степени на культурную составляющую, и, следовательно, мы попадаем на поле именно лингво-культурного сознания, и, следовательно, оказываемся в несколько иной парадигме. С другой стороны, такая постановка вопроса – это иное преломление того, чем в принципе в последние годы занимаются многие, пребывая в поисках ответа на вопросы, что делает русских русскими, китайцев – китайцами, англичан – англичанами и т. д. и как облегчить процесс межкультурной коммуникации.

Итак, сформулируем ряд гипотез и попытаемся вкратце их аргументировать.

Общие гипотезы.

Основная: Система координат культуры предстает как совокупность осей, задаваемых (предположительно четырьмя) самостоятельными подсистемами, сосуществующими в рамках данной культуры и находящимися – в силу гибкости и прозрачности границ между ними – в отношениях взаимопроникновения.

Дополнительная: Культурное пространство может быть описано в параметрах следующих подсистем: когнитивной, метафорической, эталонной, символической – либо фрагментарно (в пределах одной подсистемы), либо целостно (в совокупности всех подсистем).

Частные гипотезы.

1. Когнитивная подсистема лингвокультуры представляет собой **когнитивный базовый уровень** культуры, единицами которого являются (*базовые*) *ментефакты*.

2. Метафорическая подсистема лингвокультуры представляет собой **метафорический базовый уровень** культуры, его единицами явля-

---

⁶ См., напр.: ROSCH, Eleanor. Family Resemblance: Studies in the Internal Structure of Categories. In *Cognitive Psychology* 7, 1975, p. 573-605; Cognitive representations of semantic categories. In *Journal of Experimental Psychology: General* 104, 1975, p. 192-253; Prototype classification and logical classification: the two systems. In SCHKOLNIK, E. (ed.). *New Trends in Conceptual Representation*. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1981, p. 73-85; ROSCH, E., MERVIS, C.B., GRAY, W.D., JOHNSON, D.M., and BOYES-BRAEM, P. Basic objects in natural categories. In *Cognitive Psychology* 8, 1976, p. 282-349; VALERA, F., ROSCH, E., and THOMPSON, E. *The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience*. Cambridge, Mass.: MIT, 1991.

⁷ Латинский термин – эквивалент термина «человек культурный», был предложен А. И. Солоповым в процессе личного общения.

ются *базовые метафоры*, в основе образной мотивации которых могут лежать единицы как когнитивного базового уровня (ментефакты), так и эталонной подсистемы.

3. Эталонная подсистема лингвокультуры представляет собой **базовый уровень эталонов** культуры, его единицами являются «*эталонные ниши*» («содержательный смысл» эталона), то или иное овнешение которых может предопределяться, в том числе, когнитивной и метафорической подсистемами.

4. Символьная подсистема лингвокультуры представляет собой **символьный базовый уровень** культуры, единицами которого являются *элементарные* (базовые, основные) *символы*, в роли которых выступают предметы окружающего мира или их признаки, доступные восприятию по одному из пяти каналов, которые (предметы и признаки) подверглись осмыслению, метафорическому переосмыслению и/или заняли нишу эталона.

5. В основании метафорического базового уровня и базового уровня эталонов культуры лежат (в том числе) древнейшие архетипические, т. е. надличностные, коллективно-родовые, представления и оппозиции. Последние могут также проследиваться в когнитивном и символьном базовых уровнях культуры.

А теперь рассмотрим указанные уровни и их единицы чуть более подробно.

I. Когнитивный базовый уровень культуры; ментефакты.

Если проанализировать базовый уровень Э. Рош, то можно заметить, что многие основные (базовые) категории либо оказываются универсальными, либо претендуют на статус таковых (что подтверждается и результатами исследований самой Э. Рош). Но как только мы переходим к прототипам, в «игру» тут же вступает культура. Вспомним хрестоматийный пример: прототипами, т. е. «наилучшими примерами», *птицы* для носителей английского языка являются *воробей* и *малиновка*. Попробуем сопоставить это с данными русской культуры. Как показывают результаты ассоциативного эксперимента, проведенного в России в 90-х годах⁸, наиболее частотными (хотя и не слишком многочисленными) реакциями носителей русского языка на стимул *птица* являются⁹: *курица* (7), *орел* (4), *воробей*, *синица*, *страус* (3), *дятел*, *журавль*, *какаду* (2) (далее в статье словаря следуют единичные реакции). На основе приведенных данных трудно со всей определенностью говорить о собственно прототипах птицы для русских, но совершенно очевидно, что *малиновка* к числу таковых не относится. Во всяком случае, в огромном массиве полученных и обработанных реакций (всего в эксперименте приняли участие 12 тыс. человек), которые представлены в трех прямых и трех обратных словарях указанного шеститомного издания, эта птичка (*малиновка*) не встретила ни разу¹⁰.

⁸ КАРАУЛОВ, Ю. Н., СОРОКИН, Ю. А., ТАРАСОВ, Е. Ф., УФИМЦЕВА, Н. В., ЧЕРКАСОВА, Г. А. *Ассоциативный тезаурус русского языка. Русский ассоциативный словарь*. Книги 1-6. Москва, 1994, 1996, 1998.

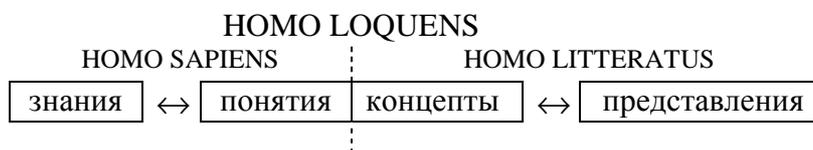
⁹ КАРАУЛОВ, Ю. Н. и др., 4. *Книга 3. Прямой словарь: от стимула к реакции*. Москва, 1996. В скобках указывается число данных реакций. Число 7 – максимальное число одинаковых реакций на указанный стимул. В данном случае мы не приводим реакции, которые ни при каких обстоятельствах не могут рассматриваться как прототип, например: *невчая* (7), *летит* (6) и под.

¹⁰ См. также: КАРАУЛОВ, Ю.Н., ЧЕРКАСОВА, Г.А., УФИМЦЕВА, Н.В., СОРОКИН, Ю.А., ТАРАСОВ, Е.Ф. *Русский ассоциативный словарь*. Т. II. От реак-

И что важно сразу отметить, на мой взгляд: все приведенные единицы – это не просто слова-«имена» птиц, за ними стоят определенные «ментальные картинки». А это уже по сути своей **стереотипы сознания**. А стереотипы сознания всегда культурно маркированы и детерминированы, что и продемонстрировал только что приведенный материал. Поэтому, собственно говоря, и возникла необходимость введения и рассмотрения когнитивного базового уровня *культуры*. Остановимся на основных единицах этого уровня и посмотрим (поскольку это все-таки *когнитивный базовый уровень*), как работает идея прототипов на этом «поле».

Напомню, что единицы этого уровня представлены ментефактами, которые по своей природе суть элементы «содержания» сознания, идеальной стороны действительности. Первый ранг разбиения ментефактов на основе критерия «информативность ↔ образность» дает триаду «знания – концепты – представления»¹¹, или, если быть более точным, работая на поле когнитивного базового уровня, цепочку (см. схему 1):

Схема 1. Система ментефактов
Человека Говорящего

Левая часть, как видно на схеме, в большей степени относится к той ипостаси человека говорящего, которая тяготеет к универсальности (человек разумный как таковой), правая – к той ипостаси, которая тяготеет к национально-культурной специфичности (человек культурный, или, по Н. А. Бердяеву, человек национальный). А теперь рассмотрим представленные звенья цепочки сквозь призму прототипов.

Знания. Они не нуждаются в прототипах, поскольку прототип – «наилучший пример», самый яркий представитель той или иной категории. Знания – как система информационных единиц, «единственных» и «уникальных» по своей сути, – не имеют оснований и причин для «выделения» прототипов. Представьте себе, например, «наилучший пример» таблицы умножения, с помощью которого можно было бы производить любые вычисления. Возможно ли такое? Мне это кажется проблематичным. Далее, знания как таковые не зависят от культуры (третий закон Ома, к примеру, и в России, и в Америке, и в Африке есть третий закон Ома, независимо от чьих-либо симпатий и антипатий, представлений о добре и зле и т. д. и т. п.). Но, по мнению С. А. Ромашко, с которым трудно не согласиться, сам массив знаний, его конфигурация, безусловно, детерминированы культурой. Кроме того, культурой предопределяется и тот набор единиц знаний, который традиционно входит в корпус страноведения: факты географии, истории, культуры, знание нравов, обычаев, традиций и т. д. Но еще раз подчеркну, что речь идет именно о *знаниях* («голых фактах»), исключаящих какие-либо оценки (персоналий, событий, фактов и под.).

Понятия. Когда мы вступаем на поле рационально-логического осмысления действительности, категоризации, систематизации, обобщения и т. д. и т. п., мы сразу сталкиваемся с необходимостью выбора и предъявления наиболее яркого, «типич-

---

ции к стимулу. М., 2002. Данный двухтомный словарь составлен на основе данных того же эксперимента, содержит более 100 тыс. реакций.

¹¹ КРАСНЫХ, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Москва, 2003, с. 155. Уровневая система ментефактов представлена в указ. соч. на с. 157.

ческого», «наилучшего» представителя класса, группы, вида, категории, т. е. **прото-типа**. И вот тут: *стол* оказывается разным для разных культур (ср. русский, американский, узбекский, японский, китайский и проч. столы); та же ситуация и с *птицей* и другими категориями (по Э. Рош). См.: «Таким образом, категории базового уровня имеют иные свойства, чем вышестоящие категории. Так, вышестоящие категории не характеризуются образами или моторными действиями. <...> У нас нет абстрактных ментальных образов предметов мебели, которые бы не были образами объектов базового уровня, таких, как стул, стол, кровать и т. д. Попробуйте представить предмет мебели, который бы выглядел не как стул, стол, кровать и т. д., но как нечто более абстрактное. Очевидно, что это невозможно. У нас, далее, нет моторных действий для взаимодействия с мебелью вообще, которые бы не были моторными действиями для взаимодействия с определенными объектами базового уровня – стульями, столами, кроватями и т. д. Однако вышестоящие категории имеют другие антропоцентричные свойства – такие, как цели и функции»¹².

Что может выступать в роли прототипа? Во-первых, стереотипы (как мы видели в случае с *птицей*¹³). Во-вторых, прецедентные феномены¹⁴. Другими словами, представления, поскольку нужен **образ**, а он – именно там, в группе представлений. И кроме того, с образом, со стереотипным представлением непосредственно связано и метафорическое осмысление какого бы то ни было феномена.

Мне могут возразить: но ведь есть образная составляющая в *птице* или *собаке*. Да, конечно, есть, но это есть *когнитивная образная составляющая*, которая предстает как набор, совокупность необходимо обязательных дифференциальных признаков, отличающих один феномен от других, в том числе – от подобных ему. Но конкретная «реализация», овнешнение данных признаков имеет место в стереотипе. Например, у собаки должны быть уши, но задайте себе вопрос: какие именно уши у собаки: длинные висящие или маленькие торчком? У собаки должна быть шерсть (даже у голой мексиканской собачки есть на нее намек в виде пуха на голове), но какая шерсть у собаки: короткая, длинная? Я уже не говорю про масть. У собаки должен быть хвост, но какой хвост у собаки: длинный, купированный, «бубликом», «поленом»? Так вот, все то, что «должно быть у собаки», входит в когнитивную образную составляющую, а то, «каким это должно быть», составляет основу стереотипного образа.

Концепты. Если исходить из того, что концепты суть понятия, погруженные в культуру (по идее Н. Д. Арутюновой и в формулировке С. Г. Воркачева), то окажется, что концепты со всей очевидностью весьма близки понятиям. И действительно, на логико-рациональном, на когнитивном уровне понятия и концепты обнаруживают ряд общих черт, поскольку являются результатом осмысления и концептуализации окружающего мира. Вместе с тем уже на этом уровне представляется возможным выявить и определенные расхождения между понятиями и концептами: так, первые с большей вероятностью позволяют обнаружить внутри себя и выявлять различные классы, роды, виды, подвиды; вторые же en mass менее «склонны» к подобному дроблению. На образно-аксиологическом, эмоциональном уровне концепты принципиально расходятся с понятиями и сближаются с представлениями, поскольку всегда включают в себя определенные оценки, коннотации.

¹² ЛАКОФФ, 1, с. 78-79.

¹³ См. также КРАСНЫХ, 11, Глава 8, с. 230-265.

¹⁴ См., напр., КРАСНЫХ, 11, Глава 7, с. 169-229.

Если говорить о прототипах понятий и концептов, то необходимо сделать следующую важную оговорку: конечно, в данном случае прототипы далеко не всегда являются однозначно прототипами по Э. Рош. С одной стороны, у нас есть «классический» стереотип *воробья*, который, по Рош, есть прототип *птицы*. С другой стороны, мы имеем «курносую / безносую старуху с косой», т. е. стереотипный образ, который может выступать прототипом концепта «*смерть*», а также ряд прецедентных феноменов, которые могут выполнять ту же функцию прототипа. Такого рода возможность и способность целого ряда стереотипов и прецедентных феноменов выполнять «прототипную» функцию сближает их с классическими, хрестоматийными прототипами когнитивистов, причем сближает именно функционально, что и позволяет такого рода феномены также называть прототипами, или точнее – *функциональными прототипами*.

Если говорить об отличиях такого рода функциональных прототипов от собственно прототипов Рош, то отметим следующее: в данном случае речь не идет о наилучшем примере качества, свойства, состояния и под. Речь идет либо (1) о наиболее ярком, наилучшем примере *носителя* качества, свойства, состояния и под., либо (2) о наилучшем примере *действия* или *проявления* качества, свойства, состояния и под. (либо как такового, либо в ситуации). Например, есть *хитрость* и есть носитель эталона хитрости – *лиса*, есть *упрямство* и есть носитель эталона упрямства – *осел*, есть *лень* и есть эталонный носитель лени – *Обломов*, есть *гений* и есть эталон искрометной легкой гениальности – *Моцарт*, есть *предательство* и есть эталон предательства – *предательство Иудой Христа*... Примеры можно множить, но приведенных, думаю, достаточно. Важно отметить (и приведенные примеры показывают это), что в основе «прототипной» функции, которую выполняют функциональные прототипы, лежит ассоциирование. *Смерть* как концепт ассоциируется со *смертью-старухой* (стереотипный образ), которая выступает как «маска», функциональный прототип *смерти* в определенных ситуациях. Причем отношения между указанными феноменами строятся не на основе эквиполентности, но на основе привативности: *безносая старуха с косой* – это всегда *смерть*, но *смерть* – это не всегда *старуха*; см., например: *На миру и смерть красна; легкая смерть* и т. д.

И, наконец, собственно **представления**. Они представлены четырьмя выявленными на сегодня типами феноменов: собственно стереотипами, прецедентными феноменами (ПФ), артефактами и духами¹⁵.

Но сначала самое общее замечание, которое необходимо сделать в разговоре о представлениях. «Представления» – это «имя» класса феноменов, которые могут анализироваться только как какой-либо конкретный тип феномена, выступающего в виде конкретной реализации, т. е. либо как стереотип, либо как ПФ и т. д. (аналогично, например, фонемам в лингвистике или «вышестоящим категориям» в когнитивистике).

А теперь вкратце рассмотрим составляющие класс «представления» типы феноменов, причем сфокусируем внимание только на одном их аспекте, а именно: на их прототипичности¹⁶. Говоря о прототипах в связи с представлениями, следует

¹⁵ Под духами в данном случае подразумеваются те персонажи, которые в научной литературе традиционно определяются как «мифологические персонажи», «персонажи низшей мифологии» и под.

¹⁶ Первые попытки рассмотреть данную категорию применительно к представлениям см. в: КРАСНЫХ, 11, с. 157-158; а также: КРАСНЫХ, В. В., ГУДКОВ, Д. Б., ЗАХАРЕНКО, И. В. Теоретические положения. Принципы описания. In *Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь*. Выпуск пер-

иметь в виду, что есть как минимум два понимания термина «прототип». Первое – это то понимание, о котором мы уже говорили в данной статье, это прототип, в первую очередь, по Э. Рош, т. е. «наилучший пример», это прототип в рамках когнитивной науки (но с оговорками, сделанными ранее). Второе – это то понимание, которое принято в литературоведении, искусствоведении, когда под прототипом понимается некий феномен, на основе которого строится тот или иной образ. См., например: «ПРОТОТИП (греч. *prōtótupos* – прообраз), реальная личность, послужившая автору первоисточком при создании худ. образа (летчик А. П. Маресьев – прототип Мересьева, героя «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого)»¹⁷.

Соответственно, **прецедентные феномены (ПФ)** в силу своей уникальности и единичности прототипичны во втором смысле: какой-либо феномен (фигура, ситуация, текст, высказывание), имевший место в реальном окружающем нас мире или в виртуальном мире, обретает статус прецедентного, т. е. происходит «наращение» инварианта восприятия, который позволяет данному феномену выполнять, в том числе, и определенные функции («прототипную», эталонную, символическую). Другими словами, ПФ имеет прототип в действительности (которая включает в себя и виртуальное пространство: мир литературы и искусства). Можно сказать, что он обладает «пра-прототипичностью» (по аналогии с «*п*раславянский», «*п*раиндоевропейский»), или прототипичностью с «нулевым индексом» (прототип₀).

Если рассматривать прототипичность ПФ с точки зрения когнитивной парадигмы, то следует разграничивать два аспекта: «интровертивный», «внутренний», в рамках самого ПФ, и «экстравертивный», «внешний», в рамках всей системы ментефактов.

По отношению к самому себе, «интровертивно», ПФ не прототипичен. Действительно, трудно утверждать, что из всех Иванов Сусаниных данный Иван Сусанин (как прецедентное имя) есть «наилучший пример» Сусанина, а из всех Обломовых герой И. А. Гончарова – «наилучший пример» Обломова. Таким образом, вопрос об «интровертивной» прототипичности оказывается, по сути, вопросом о единичности / множественности феномена. Правда, с дальнейшей визуализацией культуры вполне вероятно, что из всех «вариантов» образа, в которых выступает тот или иной ПФ, будет выбираться какой-то один, который и будет выступать в роли своеобразного «прототипа» данного ПФ. Уже сегодня мы сталкиваемся с подобными случаями, когда среди «обликов», «вариантов» образа выделяются некие «квазипрототипы», которые по своей сути являются частью инварианта восприятия ПФ (внешность, точнее – наиболее характерные черты и ассоциируемые с образом предметы, входят в инвариант восприятия, выступая в роли атрибута ПФ и зачастую являясь основой для вторичной номинации¹⁸: шаровары и оселедец для Тараса Бульбы, усы и трубка для Сталина, крючковатый нос, горб, ступа и помело для Бабы Яги и под.). Ср. в связи с этим различные иллюстрации тех или иных произведений или экранизации литературных произведений разными режиссерами, в разное время, в разных странах. Вспомним, например, Остапа Бендера в исполнении А. Гомиашвили, С. Юрского и А. Миронова; Анну Каренину – Т. Самойловой и Софи Марсо; разные «варианты»

вый. Москва, 2004, с. 7-54, с. 18-23. Первоначальные теоретические положения, изложенные в указ. соч., сегодня со всей очевидностью требуют уточнений в связи с дальнейшим развитием концепции и появлением новых идей.

¹⁷ *Советский энциклопедический словарь*. Москва, 1981, с. 1085.

¹⁸ См., напр., КРАСНЫХ, В. В., ГУДКОВ, Д. Б., ЗАХАРЕНКО, И. В., БАГАЕВА, Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации In *Вестник МГУ. Серия 9. Филология*. 1997, № 3. С. 62-75.

Шерлока Холмса или мисс Марпл; американский и советский мультфильмы о Винни-Пухе; фильмы по «Идиоту» с Ю. Яковлевым и Е. Мироновым в главной роли и экранизации Ф. М. Достоевского, например, японским режиссером Акиро Куросава и т. д. и т. п. Любопытные эксперименты проводит Ю. Е. Прохоров, когда просит нескольких человек из присутствующих в аудитории нарисовать Бабу Ягу, а потом спрашивает, какой из «портретов» более похож на «оригинал». Интересно, что большинство аудитории, как правило, быстро и не сговариваясь выбирает какой-то один рисунок. По-видимому, с одной стороны, данные феномены имеют когнитивную образную составляющую (подобную той, о которой мы говорили в связи с *птицей* и *собакой*), но с другой – наблюдается тенденция к внешней «стереотипизации» образа. Так, Баба Яга сейчас для многих русских имеет, конечно, черты гениального Г. Миллера. Но в целом все-таки ПФ «внутренне» не прототипичен, у него отсутствует «интровертивная» прототипичность (с индексом «и» – прототип_и).

Что касается «внешней», «экстравертивной» прототипичности, то ПФ может выполнять «прототипную» функцию и, соответственно, выступать в роли прототипа какой-либо другой единицы когнитивного базового уровня, другого ментефакта (не входящего в класс представлений), о чем мы говорили ранее. Другими словами, ПФ может обладать «экстравертивной» прототипичностью (с индексом «э» – прототип_э).

Представим по данной модели остальные типы представлений.

Стереотипы лишены «пра-прототипичности» (прототип₀), что следует из самого «имени» феномена: «стерео + тип». Вместе с тем они прототипичны по своей природе, сами по отношению к себе, т. е. обладают «интровертивной» прототипичностью (прототип_и), максимально близкой к собственно прототипу по Рош. Но есть особенность и отличие от прототипа когнитивистов: применительно к стереотипам прототип выступает как результат «унификации» всех представителей класса, с отсечением «лишнего» (см., например, этнические или социальные стереотипы: *истинный француз*, *типичный англичанин*, *настоящий бомж*). И наконец, подобно ПФ, стереотипы могут обладать «экстравертивной» прототипичностью (прототип_э), выполняя «прототипную» функцию и выступая в роли функциональных прототипов других ментефактов (примеры см. выше).

Артефакты, будучи по своей природе «предметами» из вторичного, виртуального мира (например, *живая и мертвая вода*, *шапка-невидимка*, *молодильные яблоки*), обладают следующими типами прототипичности: они, подобно ПФ, «пра-прототипичны» (прототип₀) и «экстравертивно» прототипичны (прототип_э). Что касается их «интровертивной» прототипичности (прототип_и), то здесь мы сталкиваемся с вышеупомянутой проблемой единичности / множественности феномена. Подавляющее большинство артефактов единичны и, следовательно, лишены «интровертивной» прототипичности (прототип_и). Специфическая особенность артефактов, отличающая их от других типов представлений (в первую очередь от стереотипов), заключается в том, что изначальный образ артефакта основывается на реалии из окружающего нас материального мира с последующим *наращением* качеств и/или свойств предмета (*скатерть-самобранка* = «предмет + дополнительные свойства»; *ковер-самолет* = «предмет + дополнительное свойство»; *избушка на курьих ножках* = «предмет + дополнительный признак + дополнительное свойство» и т. д.).

Духи могут обладать или не обладать «пра-прототипичностью» (прототип₀): думается, что *водяной* и *леший* скорее «пра-прототипичны» (сближаясь по этому признаку с ПФ), в то время как *русалка*, *домовой* и *кикимора*, например, данной ка-

тегорией едва ли обладают (что сближает их со стереотипами). Не менее сложным является и вопрос об «интровертивной» прототипичности (прототип_и). Сегодня все-таки затруднительно утверждать наличие какого-то одного *домового* или *лешего* или какой-либо конкретной *русалки*, которые были бы «наилучшими» вариантами данных персонажей (то же справедливо и по отношению к другим феноменам указанного типа ментефактов). Безусловно, существует когнитивная образная составляющая данных феноменов, однако даже она представляется более ограниченной и «размытой» по сравнению со случаями, рассмотренными ранее. Так, например, под влиянием западноевропейской культуры славянская русалка «обрела» рыбий хвост, что делает совсем уж сказочной пушкинскую картинку у Лукоморья, где «русалка на ветвях сидит», и несколько странными соответствующие сюжеты из произведений Н. В. Гоголя. Хотя, как и в случае с ПФ, вполне вероятно, что дальнейшее развитие визуальной культуры и визуализация существующей культуры со временем приведут к тому, что можно будет говорить об «интровертивных» прототипах данных феноменов. Что касается третьего вида прототипичности, то духи могут так же, как и другие типы представлений, выполнять «прототипную» функцию, выступая в роли функциональных прототипов других единиц когнитивного базового уровня, т. е. обладают «экстравертивной» прототипичностью (прототип_э).

Итак, мы рассмотрели первый из выявленных четырех базовых уровней культуры, а именно: когнитивный, и его основные единицы – ментефакты, причем последние – в основном с точки зрения их прототипичности, т. е. той категории, которая представляется, во-первых, одной из главных для данного уровня, а во-вторых, практически не изученной применительно к системе данных феноменов.

А теперь вкратце остановимся на других базовых уровнях культуры, которые в совокупности с когнитивным уровнем формируют оси и тем самым задают систему координат лингвокультуры, а также коротко представим их основные единицы. Относительная редуцированность последующего изложения материала обуславливается, с одной стороны, жанром статьи, которая, по определению, не может быть безграничной, а с другой – недостаточно детальной на сегодняшний день проработанностью всех аспектов.

II. Метафорический базовый уровень культуры; базовые метафоры.

Говоря об этом уровне, сразу же хочу отметить, что на формирование моих взглядов определенное влияние оказал ставший уже классическим труд Дж. Лакоффа и М. Джонсона¹⁹. Кроме того, та концепция, пилотажное изложение которой я предпринимаю в настоящей статье, в значительной мере складывалась под труднопереоценимым влиянием В. Н. Телия, ее трудов и идей²⁰, в процессе личного общения и совместной научно-исследовательской работы²¹.

---

¹⁹ LAKOFF, G., JOHNSON, M. *Metaphors We Live By*. Chicago, London, 1980; русский перевод: ЛАКОФФ, Дж., ДЖОНСОН, М. *Метафоры, которыми мы живем*. Москва, 2004.

²⁰ ТЕЛИЯ, В. Н. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва, 1996; Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка. In *Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках*. Москва, 2004, с. 19-30; Живодейственное наследие культуры в лексикографическом формате «Толково-культурологического словаря фразеологизмов современного

Как уже говорилось, основными единицами данного уровня культуры выступают базовые метафоры, в образном основании которых лежат единицы когнитивного базового уровня – базовые ментефакты, причем главную роль зачастую играет их когнитивная образная составляющая. Такое положение дел представляется вполне очевидным. Во-первых, метафора по своей природе есть уподобление двух сущностей (ср. в связи с этим: «Суть [структурной] метафоры – это понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида»²²). При этом речь идет, разумеется, не об уподоблении реальных, предметов окружающего материального мира безотносительно к процессам познания и осмысления, но об уподоблении знаний и представлений о реалиях и предметах окружающего мира. Кроме того, уподобляться могут и феномены, принадлежащие исключительно миру Идеальное (по А. Вежбицкой), т. е. не существующие реально в материальном мире, но вычленимые и/или приписываемые ему человеком (к числу таковых относятся, например, категория времени, добро и зло, красота и уродство и под.). В любом случае речь идет о ментефактах. Во-вторых, окультуривание мира происходит, естественно, на основе уже имеющегося опыта (ср. с процессами анкоринга и объективации²³). Следовательно, осваивая что-либо новое, человек опирается на «старое», уже известное, т. е. на знания и представления, иначе говоря – на ментефакты. И в-третьих, в роли образного основания метафоры выступает – как минимум – когнитивная образная составляющая, а это значит, что метафора базируется на ментефактах.

Список базовых метафор открыт, но это не значит, что он бесконечен. Напротив, базовые метафоры вполне исчислимы. Так, например, к числу базовых относится, конечно, когнитивная метафора *движения* (при этом предполагается движение вперед – прогресс – и не исключается движение назад – регресс – с возможными колебаниями по шкале «верх / низ»): любые проявления человека, его жизнедеятельность, сама жизнь метафорически осмысляются как *путь / дорога*, например: *выбрать [свой] путь / дорогу – встать на путь – пойти [своим] путем / [своей] дорогой – пройти путь – наставить на путь [истинный] – сбить с пути [истинного] – стоять на пути / дороге – уйти с пути / дороги – перебежать путь / дорогу – расчистить путь – убрать с пути / дороги* и др. Данная метафора может стоять и за глаголами движения (как переходными, так и непереходными; кстати, обратите внимание на сам термин «*переходный глагол*»): *довести дело до конца, сдвинуть дело с мертвой точки, перенести встречу, перевести разговор, внести в повестку дня, ввести в употребление, довести до ручки, выйти из себя, привести в себя / в чувство, прийти в какое-либо расположение духа, навести на мысль, прийти к выводу, зайти в тупик, выйти на нужного человека, войти в положение, пойти в гору, катиться по наклонной плоскости, перейти на «ты», дела идут* и под. Отсутствие же движения воспринимается как нарушение миропорядка, что оценивается сугубо отрицательно (*топтаться на месте, не продвинуться ни на йоту, остановиться в своем развитии / на достигнутом*), при этом подобное отсутствие может связываться со смертью, отсюда и «*мертвая точка*».

русского языка». In *Проблемы русской лексикографии*. Москва, 2004, с. 102-105; и др.

²¹ В том числе над вышеупомянутым словарем под общей редакцией В. Н. Телия.

²² ЛАКОФФ, Дж., ДЖОНСОН, М., 19, с. 27.

²³ См., напр., MOSCOVICI, S. The Phenomenon of Social Representations. In *Social Representations*. Cambridge, 1984, p. 3-69; а также: МАКАРОВ, М. Л. *Интерпретативный анализ дискурса в малой группе*. Тверь, 1998, с. 47-49.

III. Базовый уровень эталонов культуры; эталонные ниши.

Эталон есть «мера», «мерило», в соответствии с которой / с которым оцениваются те или иные феномены. Для культуры важно различать «содержательный смысл» эталона – нишу эталона, с одной стороны, и ее «заполнение», овнешнение в знаке – с другой. Например: есть эталон богатства и есть имена, которые выступают в роли носителей данного эталона и воспринимаются как эталон богатства, – *Ротшильд, Рокфеллер, Крез* и некоторые другие (далее – знак-эталон). Список эталонных ниш также открыт, но не безграничен.

Сегодня можно говорить о трех типах отношений между эталонной нишей и знаком-эталонном:

1) 1 ниша ↔ 1 знак (жесткая сцепка): *предатель – Иуда, талантливый изобретатель-самоучка – Кулибин, ученый-энциклопедист – Ломоносов*;

2) 1 ниша ↔ набор знаков – определенных переменных (возможна нюансировка значения): *сыщик – Пинкертон* (часто – со строчной буквы), *Шерлок Холмс, Пуаро, мисс Марпл, комиссар Мегрэ, Глеб Жеглов*;

3) 1 ниша ↔ отсутствие фиксированного набора знаков-переменных: *счастье – на седьмом небе, крылья за спиной* и т. д.²⁴.

Составив «реестр» эталонных ниш, можно системно и экспериментально проникнуть в аксиологию культуры, поскольку подобный реестр покажет: 1) что значимо для культуры, а что «игнорируется» ею; 2) как оценивается «значимое» («+» или «-»); 3) в каких знаках овнешняется «значимое» (т. е. будет системно продемонстрирован результат отбора и оценки «единиц» из истории данной культуры и человечества в целом). Таким образом, целью изучения и «картирования» эталонных ниш могут явиться: 1) научная реконструкция общей картины «ценностнозначимых» для культуры «параметров», по которым происходит оценка окружающего мира; 2) валидное представление системы ценностей с точки зрения их целостной иерархии, т. е. с учетом их местоположения в общей аксиологической системе координат, сотканной из представлений о том, что есть «хорошо / плохо», «добро / зло», «верх / низ» и под.; 3) определение значимости для данной культуры в целом тех или иных ценностей путем выявления принадлежности эталонных ниш к ядру или периферии указанной общей картины. Представляется, что подобный подход может дать исследователям конкретный инструментальный для верификации выводов о духовном коде культуры.

IV. Символьный базовый уровень культуры; элементарные (базовые) символы.

Символ есть единица лингвокультуры (культурный предмет), основной функцией которого является формальное (т. е. по форме) замещение без серьезного смыслового сдвига. Имеется в виду следующее: феномен (А) замещается феноменом (Б), более простым по форме и природе, принадлежащим миру Действительное и воспринимаемым по одному из пяти каналов; при этом сохраняется совокупность всех смыслов и коннотаций (А) с возможным добавлением некоторых смыслов и коннотаций (Б), которое не ведет к принципиальному изменению местоположения (А) в культуре, что позволяет (Б) осознаваться и функционировать как (А).

Например, в русской культуре:

²⁴ См., напр., ВОРКАЧЕВ, С. Г. *Счастье как лингвокультурный концепт*. М., 2004.

кровь – символ (1) жизни (*до последней капли крови*), (2) человека (*с их приходом в наши ряды влилась новая / свежая кровь*), (3) войны, побоища, вражды (*пролить кровь, потоки крови, кровник*), (4) родства (*брат по крови, «мы с тобой одной крови»*) и под.;

грязь (син. – *помои*) – символ нечистоты и нечистоплотности как телесной, так и духовной, низости (*вылить ушат грязи / помоев, грязная история, грязные мысли*); *грязь* (близко – *прах, пыль*) – символ ничтожности, максимально низкого положения (*втоптать в грязь, смешать с грязью, из грязи в князи*).

Составление «реестра» символов позволит выявить значимое / незначимое в культуре, определить, в каких единицах и как происходит овнешнение значимого, а также даст дополнительные ключи к пониманию всех других подсистем культуры.

Как уже отмечалось, все 4 уровня, 4 подсистемы культуры (I-IV) не разделены жестко, напротив: границы между ними гибки и прозрачны. В ряде случаев один и тот же феномен может выполнять символическую и эталонную функции и лежать в основе образа метафоры. Например, *грязь* выполняет функции эталона огромного количества, символа ничтожности, незначимости, а также служит образным основанием фразеологизма *как грязи*.

Пути формирования такого сплава функций и смыслов могут быть различны. Так, единица когнитивного базового уровня (I) может реализоваться в метафоре (II), которая воплощается в единице, выполняющей функцию эталона (III) (например, *наострить уши; в расцвете лет*). Или: ментефакт (I), выполняющий эталонную функцию (III), метафорически переосмысливается (II), что позволяет ему выполнять функцию более сложного эталона (III) (*зверь – озвереть*).

И наконец, культурные предметы становятся таковыми благодаря их осмыслению в пространстве определенной лингвокультуры, т. е. они обретают статус ментефакта. Будучи ментефактом, они могут выступать в качестве образного основания метафор и выполнять как эталонную, так и символическую функции, например: *голубь мира с оливковой ветвью* П. Пикассо как символ борьбы за мир, *змея на чаше* как символ медицины, *ключ от города* как символ обладания и власти и, соответственно, *акт дарения ключа* как символ признания чужой власти, своей «принадлежности» обладателю оной и подчинения ему.

В заключение необходимо сказать следующее. Понятно, что в рамках одной статьи невозможно изложить концепцию целиком, в достаточной мере ее аргументировать и в необходимом объеме проиллюстрировать. Но для меня важным было представить целостную концепцию, а не разрозненные ее фрагменты. Совершенно очевидно, что едва ли не каждый тезис этой работы, требует отдельного разговора, а многие положения носят сегодня в большей степени гипотетический характер и требуют дальнейших исследований. Свою задачу во время написания этой статьи я видела в том, чтобы не столько дать готовые ответы на какие-то вопросы, сколько сформулировать сами вопросы в рамках той общей гуманитарной парадигмы, которая сложилась в начале XXI века. Тем более что я абсолютно согласна с классиками, утверждавшими, что правильно сформулированный вопрос – это уже полдела, это уже наполовину сам ответ.

Виктория Красных
 МГУ им. М. В. Ломоносова
 Россия, Москва, Воробьевы горы
 1 гум. корпус, филологический факультет
 тел./факс: +7 (095) 939.55.96
 E-mail: victory@philol.msu.ru

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО: СИСТЕМА КООРДИНАТ (к вопросу о когнитивной науке)

Аннотация

Статья содержит краткое изложение концепции многомерного многоуровневого устройства культурного пространства. Предложен ряд общих и частных гипотез, суть которых сводится к следующим теоретическим положениям. Система координат культуры предстает как совокупность осей, задаваемых самостоятельными подсистемами, сосуществующими в рамках данной культуры и находящимися в отношениях взаимопроникновения. Изучение культурного пространства может осуществляться либо фрагментарно (в пределах одной подсистемы), либо целостно (в совокупности всех подсистем). Данными подсистемами («уровнями») культуры являются: 1) когнитивная подсистема лингвокультуры / когнитивный базовый уровень, его единицами являются базовые ментефакты; 2) метафорическая подсистема / метафорический базовый уровень культуры, его единицы – базовые метафоры; 3) эталонная подсистема / базовый уровень эталонов культуры, единицы которого – эталонные ниши; 4) символная подсистема лингвокультуры / символный базовый уровень культуры, его единицы – элементарные (базовые, основные) эталоны. В основании (2) и (3) уровней культуры лежат – в том числе – древнейшие архетипические представления и оппозиции, которые могут также прослеживаться в (1) и (4) уровнях культуры. Границы между этими подсистемами / уровнями гибки и прозрачны, а их единицы связаны сложными внутриуровневыми и межуровневыми отношениями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Культурное пространство, система координат культуры, уровни / подсистемы лингвокультуры, homo loquens et litteratus, ментефакты, базовые метафоры, эталонные ниши, элементарные (базовые) символы.

KEY WORDS

Culture space, coordinates system of culture, levels / subsystems of linguo-culture, homo loquens et litteratus, mentefacts, basic metaphors, models niches, elementary (basic) symbols.

Summary

The article is devoted to a concise summary of the conception of multimeasure and multilevel organization of culture space. A range of general and partial hypotheses is propounded. The main ideas of these are as follows. Coordinates system of culture is believed to be a total combination of axes, which are predetermined by original subsystems co-existing in the limits of the given culture and open to the mutual penetration. The culture space analysis can be conducted either within one certain subsystem or as the total

combination of all the subsystems. The given subsystems (“levels”) of culture are represented by: 1) cognitive subsystem of linguo-culture / cognitive basic level, mentefacts are its units; 2) metaphors subsystem / metaphoric basic level of culture, basic metaphors are the units; 3) models subsystem / basic level of the culture models, its units are represented by models niches; 4) symbols subsystem of linguo-culture / symbolic basic level of culture, elementary (basic) symbols are the units of it. Levels (2) and (3) are based on ancient archetypal mental representations and images, and oppositions, which can be seen in levels (1) and (4) as well. The borders between the subsystems / levels are rather flexible and transparent, and the correlation between the units of the given subsystems can be of inter-level and of intra-level character.